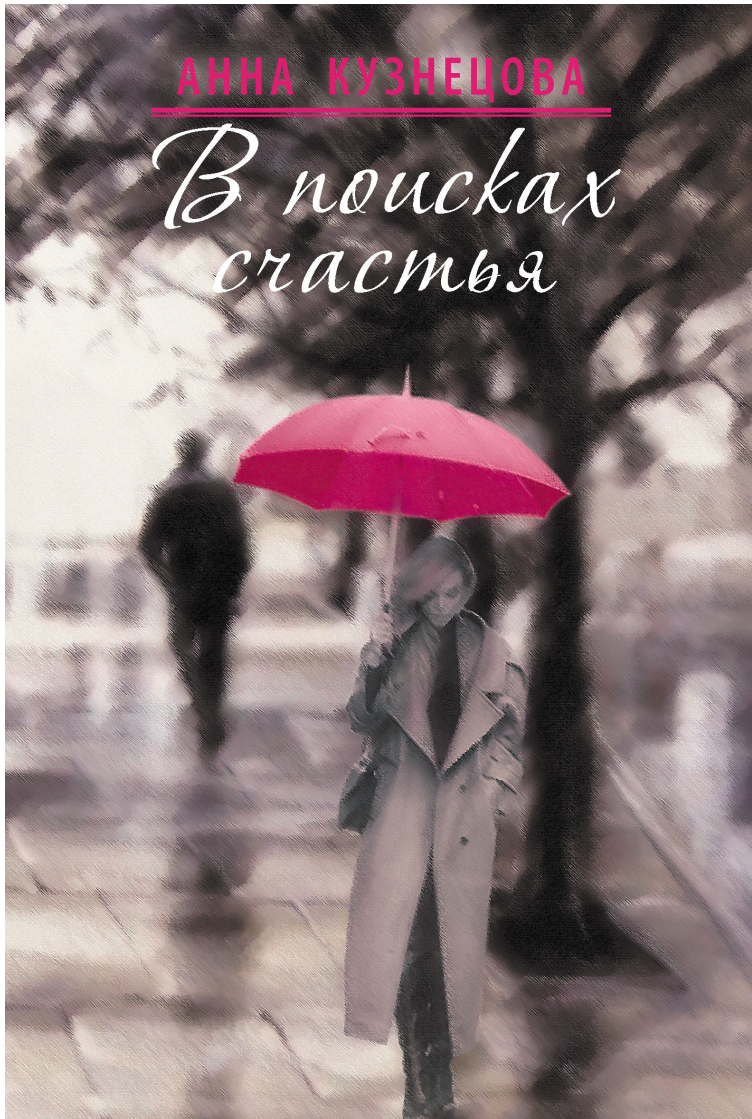

АННА КУЗНЕЦОВА

*В поисках
счастья*

Анна Адольфовна Кузнецова

В поисках счастья (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39416442

В поисках счастья. Рассказы: ИПО «У Никитских ворот»; Москва;

2018

ISBN 978-5-00095-547-5

Аннотация

Анна Кузнецова – обозреватель «Литературной газеты», известный публицист, писатель, педагог, театральный критик. Кроме того, она замечательный собеседник, в чем каждый может убедиться, прочитав эту книгу. Все истории как будто рассказаны в доверительной беседе случайному и внимательному попутчику, которого, ты знаешь, больше никогда не увидишь. Они – о женских судьбах, таких разных и таких похожих в поисках любви, взаимопонимания, счастья. Героини рассказов мечтают о счастье, ищут его, и обманываются, и продолжают искать вопреки любым обстоятельствам, возрасту, разочарованиям и потерям. Потому что главный секрет счастья – это неиссякаемая, всё преодолевающая жажда жизни.

Содержание

В поисках счастья	5
Про Аглаю	7
Про Аглаю	18
Про Аглаю	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Кузнецова

В поисках счастья

Рассказы

*** * ***

© Кузнецова А. А., 2018

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2018

В поисках счастья

Простые женские истории

Для желающих быть счастливыми

*Имена вымышленные – истории подлинные.
В одной истории сохранены подлинные имена,
догадайтесь, в какой...*

На свете счастья нет, Но есть покой и воля.
Александр Сергеевич Пушкин

*Счастье – это мыльный пузырь, который
переливается всеми цветами радуги и лопается,
стоит притронуться к нему.*
Оноре де Бальзак

*Мне нужно то, чего нет на свете, Чего нет на
свете.*
Зинаида Гиппиус

*Счастье мимолетно и лживо. Вечной бывает
только печаль...*
Франсуаза Саган

Жизнь человеческая полна неожиданностей. Что ждет тебя за углом: упал – сломал ногу или встретил свою единственную любовь? А что такое любовь? Достанется она те-

бе, или ты так ее и не дождешься? Падает ли любовь с неба, или надо потрудиться, чтобы ее заслужить? Счастье – совсем уж таинственное, а то и мистическое состояние души. А душа, что она такое? Кто ее видел? Судьба... Как она создается? Можно, конечно, не мучиться поиском трудных ответов на столь непростые вопросы. Но это мало кому удастся. Каждому хочется прожить свою единственную жизнь лучше, интересней, счастливей. А как? Наша скромная книжечка – попытка уловить, не пропустить, зафиксировать мгновения счастья. Женского счастья. Научитесь его распознавать. Учитесь быть счастливыми. Десять простых женских историй... про счастье. Для желающих быть счастливыми.

Анна Кузнецова

Про Аглаю

История первая.

Остановись, мгновение!

Аглая рано поняла: счет счастью идет на мгновения. Ждешь, ждешь Нового года. Готовишься. Наряжаешь елку. Дед Мороз, конечно же, не он, а просто родители – положат под елку желанные подарки, повесят среди разноцветных шаров конфеты и мандарины. Съела ты их, наигралась в железную дорогу и новую куклу, в праздник появившиеся, и... жди другого Нового года. Но счастья хотелось всегда и навечно.

Еще в седьмом классе ей нравился одноклассник Вова Карпов. Впрочем, он нравился не ей одной. А всем девочкам в их школе. Он и появился в их школе неожиданно – когда класс «Б» (а еще были параллельные «А», «В» и «Г») давно сложился, из года в год жил без изменений и особенных событий. Надоевшие, обреченные друг на друга одноклассники, – неизбежная составляющая скучной и совсем неинтересной школьной жизни... Уроки, учителя и училки, и дома готовишься к урокам. Рано вставать, рано ложиться. Опять уроки и опостылевшие одноклассники. Независимый, отдельный от всех новичок Вова Карпов сидел за партой один, избегал контактов и, кажется, не замечал выпра-

шивающих общений глаз мальчиков и жаждущих внимания девочек.

Особенной красотой он не отличался. И не слишком был высок ростом. Но ботинки или кроссовки всегда тщательно чистые, стрелки – даже на джинсах, всегда свежая рубашка. А в манере поведения – полное отсутствие суетливости и, казалось, абсолютное равнодушие к мнению о себе окружающих. Как же он Аглае нравился! Нет, не просто нравился, она влюбилась в новенького Вову Карпова сразу и безоглядно, как была уверена, на всю жизнь.

– Я сегодня не готов к уроку, – мог сказать он математичке.

– Я завтра сдам сочинение, мне совсем чуть-чуть осталось, не хочется делать второпях, – это литераторше.

И учительницы, нетерпимые к другим, как-то сразу соглашались с его условиями. Никаких подглядываний в чужие тетради. Списываний и подсказок. Споров на слабо... Сам по себе, один! Мальчишки устроили ему однажды засаду, поставили подножку, он упал, а потом встал, отряхнулся, поднял выпавший из рук портфель и пошел, чуть прихрамывая, дальше. В драку не полез, на провокацию не поддался, мстить не стал. В отличие от массового девчоночьего менталитета, при котором гордились любимым мальчишеским вниманием и хвастались, Аглая просто молча следила лишь за одним Вовой Карповым, какие отметки он получал, – судя по увеличивающемуся числу собственных троек, больше,

чем за своими. Ей было интересно, в какую сторону он пошел, какие у него мама с папой... И никто, кроме него, был ей неинтересен. Он поглощал все ее внимание. Притягивал магнитом. Он был лучше всех. И она была влюблена.

А как он раскатывал на велосипеде по улице! Мимо всех и... мимо нее, Аглаи. Ведь и другие мальчики ездили, а Борька Никитин однажды – даже на автомобиле, папа дал прокатиться, он и Аглаю звал с собой, так нет! Только с Вовой Карповым готова была она уехать на край света, хоть на самокате. Она ждала, что он однажды окажется рядом с ней, посмотрит на нее... Но и этого не случилось, и она страдала.

Потом, в следующей своей жизни, когда мыслями, воспоминаниями она возвращалась в пережитое, Аглая поняла: для вдруг одолевающей человека страсти никаких объяснений не требуется. Любовь не рассуждает, она выбирает, кого захочет, без всяких причин, вне доводов разума и логики. Но это было потом. А пока именно Володя Карпов был для нее лучшим, единственным, без изъянов и недостатков, хотя она толком и не разговаривала с ним ни разу. Для ее любви это было обязательно. Если бы она была так же независима, как он, именно про него она бы написала заданное на дом сочинение, кто твой любимый положительный герой. Конечно же, не Евгений Онегин, у которого было слишком много недостатков и главный, роднящий его с Вовой Карповым, – то, что он не оценил, не ответил взаимностью преданной Татьяне. И уж, конечно, не Печорин – какой он герой нашего

времени? То Бэла, то Вера, то обидел, то бросил... – просто бабник, как в случайно подслушанном Аглаей взрослом разговоре мама сказала о своем сослуживце. Может, о Путине она еще могла бы написать, он ей тоже нравился... Но Вова Карпов нравился больше.

Аглая любила слушать разговоры взрослых и книжки читала из родительского шкафа. Несовременный ребенок! «Не в капусте, а в книжных страницах родилась», – ворчала мама. «Не порть ее своими советами», – вмешивался в воспитание папа. Но ей было все равно, современная она или нет. Хотя с появлением Вовы Карпова она стала чаще ходить к турнику, чтобы пусть на немножечко, на чуть-чуть бы вытянулись ноги и не были такими тоненькими, как спички, и чтобы перестать сутулиться. И он однажды вдруг заметит ее, подойдет... и скажет: «Ты лучше всех!». Это была любовь!

Разглядывая себя в зеркале, очень сердилась: плоская, как доска, пусть мама хоть нулевой размер бюстгалтера купит, может, тогда побыстрее грудь вырастет... И нос свой, как ей казалось, слишком прямой и длинный, она все время выглаживала, вздергивала пальцами кверху, чтобы стал таким же курносым, как у Гальки Федоровской, первой классной красавицы. Больше всего она ненавидела свое имя. Надо же было придумать: Аглая, Глашка, Аглаедка... – слышать противно. Может, только из-за имени Вова Карпов не окликал ее никогда. Но он и к Галке Федоровской никак не обращался... Общался со всеми вежливо, тихо, только по необходи-

мости, со всеми одинаково. А уж современная она или нет, Аглае было все равно. Да и что такое – быть современной, она не понимала. Выщипывать брови, а потом накалывать и рисовать заново, как Катька, или с каждым мытьем головы все больше обесцвечивать себя и из шатенки превращаться в блондинку, как Полина, – нет уж, увольте!

Мамины замечания: ты бы хоть бантик завязала, а то все хвост и хвост на голове, резинкой перетянутый... нет чтобы юбочку надеть, не все же время в джинсах ходить, а еще того хуже: не сутулься, выпрямись... дылда! – должной самооценке плохо соответствовали.

Папа защищал любимицу: оставьте ее в покое, не ширпотреб, индивидуальность растет... лучше не вмешивайтесь!

– Как она жить-то будет среди людей, твоя индивидуальность, – наступала мама.

Но и папе Аглая ни за что не призналась бы в своей тайной страсти. Она была только ее и ничьей больше. Пожалуй, что самому Вове Карпову о ней знать тоже было необязательно. Вдруг бы вблизи обнаружилось, что он любит чеснок, или лук, варенный в супе, или еще хуже – грибы! Чего она терпеть не могла. Или бы он однажды сказал ей, как папа маме: дай досмотреть футбол, не мешай. Нет уж, пусть никто и ничто, включая самого Вову Карпова, не мешают ее любви.

Ежедневная жизнь и тайная страсть никак не пересекались, шли независимо друг от друга. В другом, параллельном мире она встречала «своего» Вову Карпова на балу, и он на-

зывал ее Джульеттой. Ведь Ромео с Джульеттой было почти столько же лет, сколько им. Что такое настоящий бал, она не знала. Не дискотека же! Но на ее балу пели те же Филипп Киркоров и Гарик Сукачев... Фея принесла платье с люрексом, серебряное... Мыши с тыквой превратились в джип как у соседа, чтобы примчать ее к принцу, к Воле Карпову! Порой параллели перепутывались в ее сознании. Она – Наташа Ростова – танцевала на балу с князем Болконским, понятно, на кого он был похож... Ромео – Вова Карпов – взбирался к ней на балкон последний панельной многоэтажки.

Но танцевала на балу, конечно же, не Аглая-Глашка, а сказочной красоты создание с носиком Галки Федоровской, грудью фотомодели, подходящей для примера в ее классе не нашлось; ирреальный прекрасный мир фантазий к реальности никакого отношения не имел, но жили в ней вместе, воедино.

На школьные вечера Аглая не любила ходить. Девочки тайком курили в туалете, хвастались друг перед другом взрослостью: а он мне сказал... а я ему... – это было уж точно не про нее, скучно.

Сама она тоже пробовала закурить, захлебнулась дымом, больше не хотелось, а обороняться от «искушенных» подруг надоело.

Терпеть же мальчишеский перегар, когда партнеры по танцам возвращались из своих туалетов не только обкуренные, но и поддатые (приходить на вечера без алкогольной

зачаки с 7-го класса уже считалось неприличным) ей вовсе было ни к чему.

Вова Карпов тоже на школьные вечера не ходил.

Самое счастливое ее время наступало поздними вечерами, когда уроки были выучены, портфель на завтра уложен, компьютер и телевизор выключены, мама с папой уходили в свою комнату, она оставалась одна и во власти своих, может, и не очень хитрых, но буйных фантазий. Там была жизнь не такая, какую она видела, а из снов и видений, и в центре ее – сказочная кукла, которую она рисовала на уроках во всех тетрадках: губки бантиком, конечно же, курносый носик, кудри, у самой-то волосы были прямые палки, как ноги, осиная талия, пышная юбка, нет, партнера рядом она никогда не рисовала, это место оставалось пустым. И сама она жила счастливой только в сказке. Ей снились сны... Почему-то она вдруг оказывалась в джунглях, где не было людей, и на нее шел... лев, огромный и страшный, он рычал, она его слышала, он уже открыл пасть и готов был проглотить Аглаю, но... развитие событий было легко предсказуемо, тут появлялся Он! Спаситель! Вова Карпов! Видимо, чтобы тот стрелял в красавца льва, Аглая не могла допустить. Ее герой накидывал нечто типа лассо на зверя и связывал его, а Аглаю спасал!

В снах она могла оказаться в разбомбленном... Донецке, раненая и голодная, и ее опять же выручал Володя Карпов в форме десантника и с автоматом наперевес. Здесь он был

похож на Захара Прилепина.

По утрам снова было скучно, обыденно, одинаково, и только Вова-Вова-Вова был единственно важным, но и недосягаемым участником ее жизни. Издали. Не догадываясь о тайных муках и страстях своей одноклассницы.

Однажды жизнь и мечты вдруг пересеклись в реальности – без джунглей и войны, а в трамвае № 17, по дороге в школу, где ежедневно встречались многие школьники. Вова и тут бывал редко. Его обычно подвозил к школе в «мерсе» отец по пути в таинственное, но и звучащее для Аглаи музыкой место работы под названием «генштаб». А тут, когда она полезла в трамвае за проездным, вместе с ним из портфеля стали вываливаться ручки, телефон, деньги на обед... А потом, когда она стала ползать по полу, собирать «потроха», и портфель тоже упал со всем содержимым – книжки, тетрадки, яблоко – на грязный трамвайный пол под ноги толпе, именно Вова Карпов, по законам ее фантазий, оказался рядом. И знакомый голос над ней вдруг произнес: «Отойди в сторону. Успокойся. Я сам все собираю». И совсем уж неземной музыкой прозвучало: «Аглая». Ее собственное имя, которое впервые ей понравилось.

Теперь уже неважным стал портфель. Гораздо важнее оглянуться по сторонам и убедиться, кто из одноклассников был свидетелем ее триумфа и такого победительного... романа с самим Вовой Карповым.

И он не просто, как ей показалось, молниеносно собрал ее

вещи, но и взял в руки портфель и сказал: «Какой тяжелый! Как же ты, такая хрупкая, таскаешь столько? Ведь можно не все учебники брать в школу». Именно так он и сказал: хрупкая, не тощая. И – Аглая – сказал. И ей впервые за ее пятнадцать неполных лет понравилась она сама вместе с именем... У нее даже мгновенно пронеслось перед глазами на пока еще пустом заборе надпись: Аглая + Вова = любовь!

Но путь от трамвайной остановки к школе был таким коротким и так быстро оборвался знакомым подъездом с шумной школьной толпой у входа, что она и не заметила, как портфель снова оказался у нее в руках и... без Вовы Карпова.

«Я помню чудное мгновенье...» – это теперь были ее стихи. Вместо Вовы Карпова. Или еще лучше – «Остановись, мгновение!». Но увы...

День промчался мгновением. Аглая не ходила – летала. Учителей не слышала: пение райских птиц вместо человеческих голосов. Внутри и вокруг нее порхали разноцветные бабочки. У счастья свои приметы и свой счет времени: не понедельник-вторник-среда... первое-второе-третье... – бесконечность! Сколько оно длится, на сколько его хватает? Мам, я не хочу ужинать... Ну сколько можно смотреть новости? Какая разница, чем кончится референдум у британцев? Можно, я пойду к себе, почитаю... Но даже читать в тот вечер не хотелось. Лежала на кровати, смотрела в потолок. И видела перед собой лишь Вову Карпова...

Следующий день был уже как все, обыкновенным: и 17-й трамвай без Вовы Карпова, и портфель тяжелый, битком набитый, на боку, и падать ей было незачем, и никаких происшествий. Урок за уроком... Опять новая тройка, будет маме о чем поговорить вечером. И снова Вова Карпов где-то рядом, но сам по себе, а с ней не общается, так же как с другими. И что же еще должно произойти, чтобы он хоть еще разочек, хоть еще на одно мгновение заметил ее, Аглаю? Раскрасить лицо... Завыть в полный голос и сорвать урок, упасть и умереть посреди класса... День за днем текли в мучительном ожидании: ну пожалуйста, Вова Карпов, заметь меня, обрати внимание, спаси! Дни шли как ни в чем не бывало. И не меняясь...

А вскоре Вова Карпов и вовсе исчез из их класса 7 «Б» и из ее жизни. Ее любовь. Ее герой. Ее первое немислимое счастье. И страдание...

Военного отца в очередной раз куда-то перевели, какая разница куда, ей и спросить было про то не у кого. Да и зачем?

Так же как внезапно он появился, так его не стало. Насовсем. Некому было больше собирать ее книжки с тетрадками по трамваю, да она, пожалуй, больше их не роняла. Не о ком мечтать. Но Аглае показалось, что она теперь знает, как выглядит счастье. Хотя на долгие годы в будущем и рассказывать-то было не про что – не про портфель же, упавший в трамвае много лет назад... Осталось в памяти имя – Вова

Карпов... и точная уверенность, что именно так называлась ее первая любовь!

Про Аглаю

История вторая. Не хочу быть взрослой

Аглая к десятому классу изменилась. О чем свидетельствовали очевидные знаки внимания окружающих мальчиков, зависть подруг, беспокойство родителей. «Не вздумай садиться в проезжающие машины к незнакомым мужчинам, – предупреждала мама. – Ровно в десять домой!» Словно до десяти нельзя сделать того, чего боялась мама.

«Я верю тебе», – говорил папа, и его настороженный взгляд и невысказанная, но отчетливо для Аглаи звучащая тревога знаменовали новый, отличный от прежнего этап ее жизни, ее обновленный облик. Ее непонятно еще чем грозящую новую взрослость. Она любила теперь разглядывать себя в зеркале: нет, не дылда! Скорее фотомодель, 90,60 и опять 90... Откуда-то ноги взялись длинные, стройные, и лифчик мама покупала ей уже 2-й номер... Правда, покупалось ей совсем не то белье, какое хотелось. Чистый хлопок, – говорила мама. Но при случае такое не покажешь! А с косметикой даже мама с папой смирились, и Аглая узнала разницу между собой утренней и вечерней – с удлиненными, увеличивающими глаза подкрашенными ресницами, легкими румянами «деревенский воздух», разного цвета губной пома-

дой, – осознающей свою новую внешность, новую власть над окружающими. «Принеси мне попить», – говорила она одному мальчику, и тот бросался опроретью выполнять ее приказ. «Мне жарко и не хочется танцевать», – капризничала она с другим, и тот, бледнея и краснея, не знал, как угодить школьной красавице. Аглая поначалу с интересом осваивала новое, обрушившееся на нее внезапное амплуа. Мадмуазель Фаталь, назвали ее одноклассники, когда они начали учить второй иностранный язык, французский. Но и оно быстро ей наскучило. Не перед кем было эту «фаталь» разыгрывать... А лишнее внимание обременяло. Реакции партнеров по танцам, разговоры с одноклассниками и старшеклассниками, с девочками и мальчиками были легко предсказуемы. И мало интересны.

– А у тебя есть в компе новая игра про войну лилипутов с великанами? А про покемонов?

– Я тебе вчера послал месседж по электронке. Ты чего не ответила?

А чего отвечать на вопрос: ты че? Кроме – я ниче...

– Ой, а мне мама новые туфли на платформе в 15 сантиметров купила, закачаешься! – Не упади...

Очень содержательно...

Дни тянулись, как высыпавшийся из пакета горох с одинаковыми по размеру и цвету унылыми желтыми шариками. Когда горох разваривался, разбухал в каше, которую варила мама, на вкус становился еще противнее, чем на взгляд. Ма-

ма говорила: ешь, полезно! Так Аглае открылась еще одна не слишком веселая истина: полезно – значит, невкусно. Почему-то все открытия про жизнь взрослеющую Аглаю радовали мало. Было скучно.

А чего ей самой хотелось?! Да практически ничего. Учиться в школе скучно и обременительно. Физрук, тупарь и бездельник, норвил при случае приобнять любую девчонку, ее – тоже... Алгебраичка, которую она не понимала совсем, и, если бы не репетитор, нанятый родителями в помощь, она бы и ЕГЭ не сдала ни за что. Французский язык в исполнении чеченки, «понаехавшей» в Москву, с трудом говорившей по-русски, был несносен. Чего ждать от будущего, было непонятно. Из примет так давно ожидаемой взрослости особенно тяготила девственность. С некоторых пор именно она стала предметом неустанных насмешек одноклассников: опять домой понесла в целостности и сохранности?., снова никому не понадобилась?., старая дева!..

С кем бы ее, эту самую девственность, потерять, стало тоже нелегкой заботой. Поступать в институт, любой, вовсе не хотелось – опять учиться! И тут однажды в многоголосоии шумного перерыва, когда, кажется, мир сходил с ума в общей беготне, криках, безумии, у нее, так же как давно когда-то, замерло сердце, перехватило дыхание, и остался один-единственный объект внимания, который снова сфокусировал ее жизнь и все, что в ней происходило. Мальчик был из другого класса, постарше, выпускник. А она – еще в 10-м,

как всегда «Б». Как его звали, она ни у кого не спрашивала. Да это, опять же, было неважно.

Он вовсе не был похож на Вову Карпова из прежнего 7-го. Гораздо выше ростом, эффектней, заметней внешне. Одна манера носить не куртки, как все, а длинное кашемировое пальто киногероя, шарф, намотанный несколько раз вокруг шеи, поверх пальто, вообще свисал до земли... сразу свела ее с ума. Его, так же как когда-то Вову Карпова, подвозили к школе в шикарной машине с тонированными стеклами, и не родители, а вышколенный водитель в костюме, как у члена правительства, который первым выходил из автомобиля, открывал другую дверцу, сзади, из нее появлялся – бог из машины, *deus ex machina*, так, кажется, говорили древние греки, Андрей Боголюбский, конечно же, неслучайно и по фамилии оказавшийся любимцем богов... Вокруг Боголюбского всегда было шумно и многолюдно. Много девочек. Аглая следила за ним издали.

В их школе теперь было немало таких «небожителей», детей богатых родителей. Про предков одного было известно – банкир, другой владел самыми шикарными супермаркетами в городе – «Седьмой континент», еще одно авто – от дипломата, какое уж тут – за сыном... из Лондона подъехать, конечно, приезжал водитель, а то и с охранником. Машины у всех были, как на подбор, одинаковыми, джипы, огромные, как танки, впрыгнуть в него – нужна немалая растяжка! Чего уж там скрывать? Рядом с мальчишками и девочками, из ши-

карных автомобилей появляющихся, Аглая с убогим «жигуленком» своих родителей, с нижним бельем из чистого хлопка, заведомо чувствовала себя «отстоем» и «лузером». Но новая невеста откуда появившаяся красота теперь давала ей право на вход в общество школьной элиты. Сезам, откройся!

«Посвященные» не очень-то ее в свой мир пускали. Так, иногда, на короткое время. Ненадолго. Они обсуждали ходовые качества «Ламборгини» и преимущества в быту BMW. Нет, все-таки если есть пока только одна машина, пусть это будет надежный джип... или какой бренд моднее Живанши, Армани... Оба устарели. Собирались на футбольный матч «Челси» в Лондон...

Для Аглаи это было другое полушарие, она жила в Северном, они – в Южном. Когда у них была зима, у нее – лето. И у них по улицам ходили кенгуру... Два разных мира. Их – ведомый ей лишь издалека, мало понятный. Совсем чужой. «Ты теперь дорого стоишь», – говорила ей Галька Федоровская с завистью, ее Аглая заставила потесниться на школьном Олимпе. Но Аглая боялась даже на глаза показываться новому Богу.

С Аглаей стало происходить то же самое, что однажды уже было. Мир расцветал снами и фантазиями. Мир менялся. В нем она видела то, что прежде не замечала: звезды на небе, утренний рассвет, когда вдруг просыпалась раньше, чем всегда, – оказывается, сколько разных красок на небе... В ее новой вселенной не было скучных одноклассников, маминой

ворчни, многолюдной сутолоки в метро. Пестрое многоцветье, как на картине абстракционистов.

То ли герой заметил Аглаины взгляды, то ли «химия» оказалась взаимной, но в один прекрасный день вдруг на ее парте оказался букетик первых подснежников, а класс загалдел от невиданного происшествия. Принес цветы кто-то из «мелких». Но подруга Полина видела, что послал их главный школьный красавец Андрей Боголюбский.

Новое увлечение накрыло Аглаю с головой. Она следила за своим героем неотступно. У нее на глазах от школы отъезжала его родительская машина, увозила Бога домой. Им было по пути, но он ни разу не позвал ее с собой.

Знаки внимания он ей все-таки начал оказывать. Стал улыбаться при встрече. Видно, заметил, как она, не умея скрыть восхищения, ни с того ни сего смущается, на него смотрит. Однажды вдруг позвонил – откуда телефон узнал? – и пригласил вечером погулять. Наряжаться было не во что. Курточка у нее была одна и в пир и в мир, хорошо, шарфик себе успела связать разноцветный, веселый, как у Андрея, длинный: от волнения, идя на свидание, перчатки позабыла, так что руки от холода приходилось прятать в карман. Выдвигаемся, – сказал он. И они пошли мимо домов, мимо Яузы, мимо всех. Разговор не получался, она не знала, о чем ему рассказать, что ему интересно, а ему, пожалуй, и ничего, кроме себя самого, было неважно... Скорей бы учебный год кончился. Папа обещал устроить его в Выс-

шую школу экономики при правительстве Москвы, где тот работал, вот только неизвестно, как быть, чтобы потом взяли на госслужбу, надо обязательно отслужить в армии, родители ищут сейчас варианты, как не служить в солдатах, но получить нужные бумажки... В театры, на выставки он ходить не любил, книжками не увлекался, зачем, когда есть интернет... злословил про одноклассников... пересказывал модные сплетни про нетрадиционную сексуальную ориентацию звезд шоу-бизнеса... Руки мерзли, ноги в старых ботинках почему-то сразу промокли. Аглае было скучно, и очень хотелось домой. А тут еще высокий, выше ее, Андрей как-то неловко наклонился и ткнулся холодным носом в ее лицо и куда-то нос в нос, холод в холод, поцеловал Аглаю. Совсем не так это бывает, как читала она про первый поцелуй... Совсем не так, как было в мечтах про Вову Карпова.

А еще без перехода Андрей вдруг предложил: давай с тобой дружить, только для этого мы должны будем... заниматься... любовью, то есть сексом... Ко мне пойдем, предков сегодня нет дома... по-другому ничего у нас не выйдет. К чести его, он произнес это, чуть смутившись. А как это? Сексом? Без любви? «Отчего же без любви? В койке она и появится», – неловко пошутил очевидно поблекший в ее глазах красавец Боголюбский.

Впрочем, рассуждал он, если без секса им теперь не обойтись, то любовь по нынешним времена вовсе необязательна. И в будущем в его системе значили лишь карьера, достаток,

бизнес... Так что на любовь время тратить не стоит, выходило по его. Семья, с его точки зрения, тоже была ни к чему. Почему-то он вдруг перестал казаться Аглае красивым. И девственность дарить ему ей вовсе расхотелось. Да и где? На слякотной улице или в грязном подъезде?

Скорее домой. От Аглаиной растерянности и кавалеру стало неловко, и бойкость его куда-то исчезла. Он тоже заторопился... Ну ладно. Пока. До связи... Позвоню...

Аглая проплакала всю ночь. Только под утро заснула. А потом продрав глаза – надо идти в школу! – долго стояла под душем и никак не понимала, как ей теперь жить дальше.

На парте в аккуратном пакете лежал неожиданный подарок – хорошенькие теплые синего цвета перчатки. И в телефоне – эсэмэска: «Прощай. Не парься Ты молодец! Все у тебя будет ништяк. И, наверное, сможешь стать счастливой. Андрей».

Про Аглаю

История третья. Сказке конец

Время бежало со скоростью света. И все вроде бы происходило по плану маминую-папиному, а то и непонятно чьему. По божьему промыслу, говорила бабушка... Только не ее, Аглаиному. Но, может, потому что она так и не знала, чего же ей на самом деле хочется, чего надо? Удивительно, но в ней никогда не совпадали пресловутые «хочется» и «надо». Надо окончить институт. Надо попасть в некоммерческий вуз, на бюджетное место, получить серьезное образование... Пединститут, филфак – пусть когда-то, но имени Ленина, значит, солидный почти государственный вуз. Так говорили в семье. Баллов ЕГЭ хватило, прошла по конкурсу в желанный родителями – имени Ленина, на бесплатное обучение; родители радовались и гордились дочкой, а она не замечала никакой разницы со школой, так же неинтересно и скучно. И ни к чему. Какой-то еще магистрат после бакалавриата?! Да ни за что! Четырех лет хватит... Что бакалавр, что магистр, какая разница, как называться. Что в лоб, что по лбу, – как говорила бабушка.

А еще лучше было, что в школу на работу не взяли: у вас нет опыта педагогической работы... Какой может быть опыт у свежее испеченного вузовского выпускника?! Взяли на работу в «М.Видео», торговала телевизорами, это было еще по-

вышением, сначала доверяли только чайники, утюги, кофемолки... Обманывала себя и пыталась обманывать родителей: очень интересно, много общений, разных контактов... Но какие там контакты? Рассказывать про одни и те же утюги с кофемолками. Уставали ноги. Уставала от похотливого мужского внимания, от частых предложений провести время после работы на дискотеке, в ночном клубе, в кафе.

Однажды они с девчонками решили сами сходить в ночной клуб, посмотреть, что там делается. С трудом дотянули до одиннадцати, очень спать хотелось! Программа-то ночная... Надо, Федя, надо! Даже в ночной клуб шла Аглая под ненавистное слово «надо», теперь хоть не от родителей услышанное, от подруг. Развлечения требуют жертв! Несколько дней ушли на сборы. Слушала подробные инструкции от папы-мамы: одна без подруг никуда не ходи, даже в туалет – а как же танцевать? – чтобы ты на виду была... В чужие машины не садитесь, даже с подругами... Не пей спиртного... Не кури...

Папа накрутил бутербродов, много разных, с ветчиной, с колбасой, с сыром... на всех, но у них их отобрали на входе: не положено! Заказали там себе то же самое, только за большие деньги, еще пили пепси, танцевали, без приглашений не оставались... От дымного угара, от громкой музыки, шума и многолюдья Аглае все кавалеры казались на одно лицо, с одним и тем же текстом: типа того... как бы... блин... круто... прикольно... – филологическое образование лишь

осложняло контакты. Потом она и вовсе заскучала, вынула книжку, прислонила к бутылке с пепси и стала читать... Домой-то ведь тоже не уедешь, если слушаться взрослых указаний: в чужие машины не садиться, одной на ночную улицу не выходить... Значит, всю ночь надо сидеть, дожидаться, пока откроется метро. Потом она пожаловалась бабушке: «Подшел совсем черный кавалер, губы красные, зубы белые и глаза белыми кажутся... – что же, я хуже всех, что ли?!» «Лучше! Не хуже ты всех, вот и подошел к тебе иностранец», – успокаивала ее бабушка. Нет, больше Аглая в ночные клубы не ходила.

Жизнь почему-то не готовила ей радостных сюрпризов. А дни, как все тот же противный горох, продолжали вываливаться из рваного пакета, одинаковые, желтые. Скучные. Невкусные. Вот уже двадцать лет! И эта чертова «девичья честь», куда бы ее подевать?! Ближе всех для решения очередной назревшей необходимости оказался сосед и бывший одноклассник, ожидавшийся призыва в армию, а значит, было у него свободное время. И квартира пустая. Родители ему подарили. Нет, о замужестве, хоть с горшков знакомый мальчик и на брак был готов, считая себя влюбленным в красивую соседку, для Аглаи не могло быть и речи: зачем? Ради квартиры? Квартира вместо любви... А вот чтобы избавиться наконец от лишь осложняющего жизнь обстоятельства, сосед Вадик подходил, подтвердив потом все имеющиеся у Аглаи опасения: происшедшее случилось впопыхах, нелов-

ко, больно, некрасиво и так далеко от романтики, от радости, от любого смысла, что и, слава богу, наконец случилось, и вспоминать больше не о чем, что-то вроде неприятной медицинской процедуры. О чем только люди столько разговаривают, ждут, волнуются? Почему? Зачем? Может, прав был когда-то Боголюбский: надо жить без любви... Но чтобы секс был необходим?! В том виде, как он ей достался, – тоже легко было без него обойтись...

Сосед Вадик даже веточку сирени ей не подарил в честь события, мог бы просто во дворе сорвать. Впрочем, и не событие это было. Просто так. Плюнуть, позабыть... Замуж, что ли, выйти? Но за кого замуж? В моде были гражданские браки, партнеры, бойфренды, дружбаны... Мачо... метро-сексуалы, а то и бисексуалы... Свобода, блин! Окружающие Аглаю девчонки без раздумий бросались в вихрь любых достающихся развлечений. Лиза уже залетела, беременность от пьяного Ивана решила оставить: пусть будет мой, – сказала она про будущего ребенка, без квартиры, без мужа... без постоянной работы. Однокурсница Маша вместо филологии стала вести свадьбы, праздники, массовик-затейник... Она сама торговала телевизорами и имена забывала спрашивать у меняющихся кавалеров. Желающих пригласить ее в свою машину, подвезти... сходить в кафе было немало, но липкие взгляды – тут же лапанье, что за дверцу машины, что за нее схватится! – вызывали у Аглаи лишь недоверие и насто-роженность. Замуж вроде бы не за кого было идти. Да ни-

кто особенно не предлагал, не уговаривал. Мечты о большой любви бесследно исчезали, как и мысли о возможном грядущем счастье. Пусть просто замужество! Пусть без любви. Но будет хоть помощь от мужчины, мужа.

Чем больше Аглая думала о возможном жизненном повороте в виде замужества, тем больше ей эти мысли нравились. У других не получается, а она сможет. И у нее будет не как у других, а как надо! Семья, дети, уютный счастливый дом... И от родительской опеки это способ избавиться! При ее-то нерасчетливости, непрактичности, абсолютном отсутствии житейского опыта, как будет организована новая жизнь, по обыкновению, думать было неинтересно. Зато свадьба! Вот ее очень хотелось! И любых перемен в жизни. Разум лениво, спокойно перебирал все возможные варианты и услужливо назначил из всех сослуживцев по «М. Видео» на роль мужа Игоря из Балашихи – спокойного, уравновешенного, машину водит, по ипотеке купил, верно и преданно ей служит, всегда рядом, котлеты привозит из дома на работу, ее подкармливает, родители его хорошо к Аглае относятся. Чем не жених? Не наглый. Скромный. Не пьет, не курит. Не богатый, не успешный? Ну и пусть! В их паре верховодила она. Соображения расчета, выгоды ей всегда были чужды. Если про то, откуда дети берутся, она еще понимала, то про деньги, откуда их взять, ей совсем не думалось. А что любви пылкой, страстной у нее нет, так, со слов Игоря, его чувств на двоих хватит. Может, нет у нее таланта на любовь? Не суждена ей

она. Еще она начинала понимать, что время, ей доставшееся, не очень высоким чувствам способствовало. Просто, наверное, вдвоем легче жить, чем одному. Дружба, помощь, понимание Аглае очень были нужны. А главное, надо было избавиться от неусыпной родительской опеки, сбежать от нее. Дышать свободно не дают. Всё за нее решают. Как в инвалидное кресло навеки усадили: оставь посуду в раковине, я вымою – это мама... сколько тебе дать денег? – это папа. Ничего не умела делать, даже по дому, что назавтра надеть, мама с вечера на стул вешала. Как пылесос включать, и то не знала. Нет, скорей замуж, надо спастись... Без родителей. Только в гости к ним ходить. Впрочем, и ходить не надо. На раздолбанных «жигулях», но Игорь довезет... Замуж! Замуж! Замуж! А как она будет хороша в свадебном наряде! Пусть не станет она счастливой, хоть самостоятельной, взрослой станет... И Игорем будет командовать, как мама папой... Начнет новую жизнь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.